

Национальные особенности украинской элиты

2021-02-10

Применение теории элит к украинским реалиям дает внешне парадоксальную картину: правящий класс/элита представлена симбиозом олигархов и государственно-бюрократической системы, контрэлиты — компрадорами, действующими в связке с внешними бенефициарами, анти-элиты — «людьми модерна». Однако, все становится на свои места, если мы признаем тот факт, что в Украине установилась неофеодальная общественно-политическая формация как следствие того, что вместе с социализмом украинский правящий класс избавился и от модерна.

Вступление

Прежде всего, необходимо уточнить, что целый ряд признаков, присущих современному западному обществу, не определяет общественно-политическую формацию, установившуюся в Украине как капиталистическую. Проще говоря, некоторые признаки капитализма, которые выглядят, как имманентные, не являются таковыми, во всяком случае — в украинских условиях.

1) Например, тот уровень современного научно-технического прогресса (НТП), благами которого практически наравне с Западом пользуются украинцы, является следствием не капиталистического

общественно-политического уклада, установившего в Украине, а глобализации. Разумеется, НТП на Западе — прямое следствие капитализма, а, точнее, важнейшего свойства капитала — его инвестиционной и инновационной составляющих. На Украине же достаточно высокий уровень НТП никак не отражает, а, тем более — не определяет господствующую общественно-экономическую формацию.

2) Также не являются признаками капиталистического уклада в Украине

- ни абсолютное преобладание частной собственности,
- ни пребывание украинских олигархов в «списках Forbes» рядом с «несомненными капиталистами» Запада,
- ни признание украинской экономики рыночной как западными экономистами, так и международными институциями, включая МВФ.

В данном случае мы просто сталкиваемся с типичной **смысловой ловушкой**:

описывая сложившуюся в Украине социально-экономическую систему в терминах капитализма и рыночных отношений, мы, разумеется, приходим к выводу, что она — капиталистическая.

Главное же свойство, оно же — предназначение капитала состоит в создании **добавленной стоимости и извлечении **прибыли**.**

Но, если мы аккуратно вычтем все бонусы и преференции, гарантированные бизнесу украинских олигархов законодательными, подзаконными и регуляторными актами, все прямые и косвенные субсидии из государственного и местных бюджетов, все «правильные» решения судов и ангажированность правоохранительной системы в целом, то - вскрыется **весьма показательная картина**:

1) во-первых, в чистом виде, бизнес-деятельность украинских олигархов является, интегрально, не прибыльной, а глубоко убыточной;

2) во-вторых, эта бизнес-деятельность «de facto» не создает добавленную стоимость, а последовательно уничтожает часть стоимости сырья, оборотного капитала и рабочей силы, участвующих в процессе производства.

Исходя из этого, активы, находящиеся в распоряжении украинских олигархов, не являются капиталом, а сами отечественные олигархи не являются капиталистами.

В крайнем случае можно говорить о «псевдо-капитале» и «псевдо-капиталистах», но применять к ним критерии успешности и эффективности с точки зрения капиталистической системы — совершенно некорректно!

В первом приближении, украинские (как и все постсоветские) олигархи являются **группой лиц, которые перераспределяют созданную другими добавленную стоимость в свою пользу.**

Ниже мы сделаем важное уточнение и дополнение к этой формулировке.

1. Правящий класс / Политическая элита

Ядро украинского правящегося класса сформировалось в период развала Советского Союза из части государственно-бюрократического аппарата, «красных директоров» и адаптировавшихся к новым реалиям «предпринимателей» начала 90-х.

Появление независимой Украины запустило два основных тренда:

- 1) выход из состава СССР стимулировал «обустройство территории», а
- 2) разрыв с социалистической системой — встраивание в международное разделение труда в рамках капиталистической системы.

И далеко не сразу стало очевидным, что **эти тренды в значительной степени антагонистичны**; в любом случае требовался достаточно высокий уровень государственного менеджмента, чтобы их совместить.

Отсутствие необходимых знаний/умения/опыта вкупе с увлечением «обустройством территории» привело к тому, что:

- 1) украинская экономика практически не сумела встроиться в международное разделение труда своими отраслями с высокими уровнями передела/добавленной стоимости;
- 2) с каждым годом структура украинского экспорта становилась все более сырьевой (в 2020-м году доля АПК в украинском экспорте достигла 45%, черных металлов и изделий из них — 17.5%, минеральных продуктов — 10.5%; доля экспорта высокотехнологической продукции не достигает 10%).

Объективные и субъективные причины того, почему Украине не удалось встроиться в международное разделение труда

высокотехнологичными отраслями, мы разберем в одной из следующих статей.

Начиная с начала 90-х основной функцией государственно-бюрократического аппарата стало «обустройство территории»:

1) «красные директора» занялись «обустройством» в новых условиях своих субъектов хозяйствования, иногда выходя на масштаб отраслей;

2) часть предпринимателей была включена в процессы «обустройства территории» и «обустройства субъектов хозяйствования» в качестве механизмов перераспределения общественных (бюджетных) средств и общественной собственности в частные руки.

В результате этих процессов сформировался правящий класс в виде симбиоза государственно-бюрократического аппарата и олигархов.

И здесь важно отметить, что несмотря на внешнюю парадоксальность, именно вторые являются «младшими партнерами» первых, а не наоборот.

Украинские олигархи являются ключевым элементом перераспределения бюджетных средств в пользу государственно-бюрократического аппарата; в масштабе макроэкономики речь идет о перераспределении добавленной стоимости (*В данном случае мы для простоты используем понятный «капиталистический» термин «добавленная стоимость», — Авт.*), созданном всем обществом в пользу небольшой группы лиц.

Прослойка «красных директоров» постепенно исчезла в ходе приватизации за ненадобностью (как избыточный элемент в системе), лишь в крайне незначительной степени пополнив ряды олигархов.

В этой системе нет места крупному капиталу (а, соответственно — капитализму) в его прямом смысле, как самовозрастающей стоимости, использующей инвестиции (капиталовложения) и инновации (новые сферы приложения капитала).

В итоге в стране сложилась преимущественно (строго говоря, украинскую социально-экономическую систему можно охарактеризовать как многоукладную при доминировании нефеодалного уклада, — Ред.) нефеодалная система, как результат того, что вместе с социализмом украинский правящий класс отказался и от модерна.

Очевидно, что парадоксальная развилка между капитализмом и неофеодализмом возникла в Украине, да и на всем постсоветском пространстве в силу развала социалистической системы (*существует мнение, что система, «de facto» в экс-СССР установилась система «государственного капитализма», но с точки зрения рассматриваемых вопросов взаимоотношений граждан и собственности, это совершенно неприципиально*).

Перераспределение ранее «общенародной» / государственной собственности между гражданами могло пойти как по капиталистическому, так и по неофеодальному пути: в первом случае собственность и/или активы превращаются в капитал, во втором — в богатство.

Приумножение капитала связано, в первую очередь с инвестициями и инновациями, и опирается на экономические знания и то, что называется «дух предпринимательства».

В основе приумножения богатства лежат привилегии, которые мы упрощенно именуем «близостью к власти», определяемой личной лояльностью.

В отличие от классического **феодализма**, где объектом лояльности является *суверен/сюзерен*, при **неофеодализме** таковым объектом выступает *государственно-бюрократический аппарат*, зачастую олицетворяемый отдельными чиновниками.

Нынешние украинские олигархи — это крупные собственники, прошедшие «искусственный отбор» отечественной государственно-бюрократической системы и доказавшие свою способность с ней взаимодействовать в качестве ключевого элемента *личного обогащения за счет государственного бюджета*.

И если успешный капиталист — это человек, являющийся экспертом и знатоком природы капитала, включая понимание многочисленных специфических сфер современного менеджмента и маркетинга, то *успешный украинский олигарх является экспертом и знатоком природы украинской власти и человеческой природы чиновников*, принимающих ключевые для него решения.

Отсутствие «de facto» в стране крупного капитала и, соответственно, крупных капиталистов, делает необходимым пересмотреть еще **три «капиталистических стереотипа»**, *не применимых к украинской социально-экономической формации*.

1. «Эффективный собственник»

Предполагается (со всеми оговорками и натяжками), что в условиях рыночной конкуренции собственником капитала становится тот, кто умеет наиболее эффективно извлекать из него прибыль и добавленную стоимость. В противном случае этот капитал (предприятие, фирму, финансовое учреждение и т.п.) ждет гибель (банкротство).

В украинской нефеодальной системе «эффективным» считается собственник, который сумеет привлечь к финансированию своего актива как можно больше бюджетных средств и обеспечить ему как можно большее число льгот и преференций через принятие соответствующих решений органами власти. И именно под контроль таких «собственников» стремится передавать активы государственно-бюрократическая элита.

2. «Украинская системная коррупция искажает капиталистическую/рыночную систему»

Здесь мы снова становимся заложниками избранной терминологии.

То, что в рамках капиталистического уклада мы вполне справедливо именуем коррупцией, является неотъемлемой частью нефеодализма. Т.е., данные «de jure» криминальные деяния являются не просто составной частью, а «de facto» неотъемлемым **экономическим базисом** сложившейся системы.

Именно в силу этого и системная, и бытовая коррупция пока **неискоренимы в Украине в принципе**, независимо от усовершенствования законодательства и создания «независимых» антикоррупционных органов.

Здесь важно в очередной раз отметить, что **при капитализме** конечной целью коррупции является извлечение дополнительной добавочной стоимости, т.е. приумножение капитала; можно сказать, что коррупция является несправедливым и незаконным способом повышения эффективности имеющегося капитала.

При этом полное (точнее — почти полное) искоренение коррупции делает систему более эффективной и позволяет усилить ее социальную составляющую, о чем свидетельствует опыт стран Северной Европы, а также Новой Зеландии.

В рамках же **неофеодальной** системы, **связи, по аналогии** именуемые **«коррупционными»**, являются ее неотъемлемой составляющей и представляют собой форму феодальной ренты — плату **неофеодалов** государственно-бюрократической системе за полученные **«в кормление»** отдельные базовые предприятия, целые отрасли / сферы экономики, иногда — территории.

Важно отметить, что в неофеодальной системе в связи с «de facto» отсутствием капитала, практически стерта грань между приумножением богатства в сфере государственной службы и частного бизнеса.

Именно поэтому отдельным кланам / группам в разное время «в кормление» передавались как некоторые таможенные пункты, так и вся таможенная служба в целом; в этом же списке — налоговая служба, финансовая система, Нацбанк, здравоохранение и тд и тп...

3. «Рыночное/капиталистическое» законодательство, действующее в Украине, задает рамки капиталистической социально-экономической формации».

Дело в том, что **формально «капиталистическое»** законодательство с «феодальными» нюансами в законах, подзаконных актах и практике правоприменения порождает неофеодальные отношения.

Одним из следствий «de facto» неофеодальных отношений в «de jure» капиталистической системе является особый характер **социальных лифтов**.

Упрощая, можно утверждать, что социальные лифты — важнейший элемент социальной инфраструктуры — при феодализме формируют в первую очередь **привилегии**, дающие доступ к тому или иному уровню богатства.

Доступ к привилегиям можно получить через происхождение и/или лояльность, при этом лояльность по отношению к «распределителю» привилегий обязательна в любом случае.

При **капиталистическом** же социально-экономическом укладе **социальные лифты** формируются через **образование** и/или **способность эффективно управлять капиталом**, при этом **эффективность** использования капитала — обязательна.

Разумеется, **происхождение** также имеет немаловажное значение, но уже опосредованно — как трамплин к более качественному **образованию**.

Завершая обзор украинского правящего класса/элиты, отметим, что **неофеодальная общественно-политическая формация, сложившаяся в Украине, вполне органично накладывается на доминирование феодального дискурса** (или феодального кода) на уровне «коллективного бессознательного».

Т.е., «средний украинец» и мыслит, и описывает реальность преимущественно в терминах неофеодализма.

Эта тема будет более подробно раскрыта в одной из следующих статей.

2. Компрадорская контрэлита

Украинская контрэлита, в полном соответствии с теорией элит, борется за доступ к ресурсу, которым на сегодня владеет правящий класс. А этим ресурсом, как мы показали выше, является феодальная рента.

Таким образом, контрэлита не ставит своей целью разрушение сложившейся в Украине неофеодальной социально-экономической системы, основанной на перераспределении создаваемого общественного продукта в пользу узкого круга лиц.

Цель украинской контрэлиты — перенаправить эту ренту в пользу внешних бенефициаров, представляющих «коллективный Запад».

Украинская контрэлита носит ярко выраженный **компрадорский** характер и на сегодня, кроме широкого представительства в правительстве и парламенте, она «de jure» контролирует наблюдательные советы госкорпораций, «de facto» выводя их из-под контроля государства и перенаправляя непрозрачным для украинского общества образом значительную часть доходов (как и ранее мы не употребляем термин «прибыль», который характерен для капиталистической социально-экономической системы, потому как контрэлита не претендует на слом сложившегося неофеодального уклада) иностранным бенефициарам.

Украинская контрэлита, в противоположность правящему классу, стремится к **уменьшению роли государства**, либерализации/дерегуляции экономики.

Это связано с тем, что контрэлита берет под контроль **инфраструктуру** страны — сферу, в которой национальные корпорации являются естественными монополистами.

И государственное регулирование — препятствие на пути установления монопольно высоких цен.

Т.е., вместо коррупционных схем взимания феодальной ренты через льготы, преференции и т.п. (см. выше), применяемых правящим классом, **компрадорская контрэлита использует свое монопольное положение в сфере инфраструктуры** для перераспределения общественного продукта в пользу небольшого количества зарубежных бенефициаров.

В рамках такого противостояния понятна роль антикоррупционных органов (Национальное Антикоррупционное Бюро — Национальная Антикоррупционная Прокуратура — Высший Антикоррупционный Суд), создание которых было буквально навязано Петру Порошенко вместе с их «неприкасаемым» руководством: минимизировать получение феодальной ренты правящим классом и перенаправить ее под контроль компрадорской контрэлиты, выступающей в качестве операторов внешних бенефициаров.

Наиболее наглядный пример — НАК «Нафтогаз», хотя подобного рода схемы примеряются, и к «Укрпочте» (активно лоббируется передача последней функций банка с дальнейшей приватизацией). Из других ярких «кейсов» — приватизация «Укрспирта» прошла по правилам (и в интересах) неофеодальной элиты, а за контроль над ГП «Укрзалізниця» идет жесткая борьба между неофеодальной элитой и компрадорской контрэлитой.

Схема зеркальная —

1) если олигархи являются механизмом для перераспределения созданной в Украине добавленной стоимости в пользу верхушки государственно-бюрократического аппарата, то

2) компрадоры выступают в роли механизма для такого же перераспределения в пользу представителей иностранных государственно-бюрократических аппаратов, способных обеспечить в Украине политическую «крышу» для деятельности компрадорской контрэлиты.

В качестве нюанса можно отметить, что:

1) если в случае правящего класса можно говорить о **партнерских отношениях** чиновников и олигархов в процессах перераспределения, то

2) в отношении контрэлиты речь идет всего лишь о *зарплатах* (хотя и о высоких и сверхвысоких) для компрадоров, которыми их обеспечивают иностранные бенефициары за счет ... украинского бюджета.

Противоречия между украинской элитой и контрэлитой зачастую вступают в острую фазу, например, там, где олигархи лоббируют льготы и преференции, компрадоры настаивают на монополюльно высоких ценах.

В этой ситуации, часть государственно-бюрократического аппарата начинает метаться между внутренними и внешними «сюзеренами».

Здесь, к слову, проявляется одно важное отличие классического феодализма эпохи «высокого средневековья» от современного постсоветского неофеодализма:

- сегодня не всегда очевиден «сюзерен»;
- более того, наряду с возможностью перехода от одного «сюзерена» к другому, не являются редкостью ситуации «слуг двух господ».

Однако, главное противоречие элиты и контрэлиты заключается в отношении к государственно-бюрократическому аппарату:

- «проект Украина», который продвигает украинская компрадорская контрэлита, предполагает радикальное **сокращение функций** государственно-бюрократического аппарата и, как следствие — его столь же радикальное сокращение.

В то же время, у контрэлиты:

- 1) отсутствует **проект возврата Украины в модерн** и **преодоления неофеодалного кода**;
- 2) их задача — перестройка существующей неофеодалной системы под внешних сюзеренов.

В заключение раздела необходимо отметить, что уже сегодня контрэлита очень глубоко проникла в правящий класс, являясь его неотъемлемой частью.

Но главным социальным лифтом для представителей контрэлиты являются в первую очередь не электоральные процессы, а НКО и прочие **грантовые структуры** «гражданского общества», финансируемые из-за рубежа бенефициарами компрадорского способа перераспределения общественного продукта.

3. Антиэлита

В качестве анти-элиты в Украине выступают **«люди модерна»**, для которых неприемлема сложившаяся в стране неофеодальная система. Как и «положено» анти-элите, **у них нет собственного проекта развития страны.**

Украинская антиэлита мыслит категориями модерна и капитализма (независимо от своего отношения к данной общественно-политической формации): прогресс/развитие, добавленная/прибавочная стоимость, инвестиции, инновации и т.п.

Антиэлита считает коррупцию искажением рыночных отношений и призывает к законодательной борьбе с ней. Также эти люди верят в возможность создания благоприятного инвестиционного климата в стране, хотя **в системе, в которой, как мы показали выше, отсутствует «de facto» крупный капитал, серьезные капиталовложения (= инвестиции) невозможны по определению.**

Картина мира представителей анти-элиты вполне соответствует мейнстриму «коллективного Запада», но оказывается неадекватной в украинских реалиях.

Они осознают деградацию государственных институтов, экономики и общества, но **не могут сформулировать конечную цель своей борьбы с властью.**

Более того, «людьми модерна» мы их называем исключительно с точки зрения «системы координат», используемой в данной статье; сами они находятся далеко за пределами данного дискурса.

Вместо целей украинская анти-элита воспроизводит некие пожелания, основанные преимущественно на стереотипах — сделать «как в США», «как в Швеции», «как в Польше», «как в Китае», «как в Германии», «как в Чили при Пиночете», «как в Гонконге», «как на Западе» и т.д.

При этом такое пожелание обычно касается одного-единственного элемента экономической системы (социального, фискального, антикоррупционного, стимулирующего и т.п.), без рассмотрения его взаимосвязей с другими элементами социально-экономического уклада страны, приводимой в качестве образца.

Не сильно упрощая ситуацию, можно констатировать, что все экономические программы представителей анти-элиты сводятся к формуле-

оксиморону: «налоги — снизить, бюджетные расходы — увеличить!»
(*Британская шутка о лозунгах оппозиции, — Авт.*)

Мы имеем дело с пассионарными людьми, которые бунтуют против существующей системы, ограничивающей возможности реализации их потенциала, но неспособные создать иную систему. В данном случае — против системы, перераспределяющей созданный украинским обществом (ими — в том числе!) общественный продукт.

Антиэлиту попеременно используют в своем противостоянии украинские элита и контрэлита:

- 1) первые — под лозунгами борьбы с внешним управлением,
- 2) вторые — борьбы с коррупцией.

Однако, ни в одной из этих коалиций анти-элита не будет бенефициаром.

Для нее это битва Чужого с Хищника — кто бы не победил, анти-элита в проигрыше!

Материал подготовлен

Международным Институтом Политической Философии (ИПФ)

Авторский коллектив:

Константин ГРИГОРИШИН — бизнесмен

Виктор САВИНОВ — философ

Дмитрий ДЖАНГИРОВ — политический консультант

Национальные особенности украинской элиты – 2

2021-02-22

В [первом материале на данную тему](#) авторский коллектив ИРР в рамках теории элит обосновывал тезис о том, что украинский правящий класс существует в рамках (нео-)феодальной, а не капиталистической общественно-политической формации. Соответственно, в таких же рамках существует и украинская контрэлита, которая с переменным успехом борется с элитой за контроль над (нео-)феодальной рентой. И только маргинальная (по отношению к общественному мейнстриму) украинская антиэлита пытается описывать общественно-политическую формацию, сложившуюся в Украине, в терминах капитализма и модерна.

В предложенной аналитике мы более подробно обоснуем тезис о том, что вместе с социализмом украинский правящий класс отказался и от модерна, а также покажем, что для украинского общества (нео-)феодальный код оказался вполне приемлемым и естественным.

Авторы в целом разделяют один из постулатов современной политической философии постмодерна (согласно работам Фредрика Джеймисона, Умберто Эко, Поля Рикёра), согласно которому культура является экономическим феноменом. Соответственно, капиталистический культурно-социальный код (производственные отношения) в естественном виде может

существовать и регламентировать социум только в идеологических обществах модерна. Низвергая модерн, мы неизбежно возвращаемся к культурному коду преמודерна, который является феодальным.

Национальные особенности возврата к (нео-)феодальному культурному коду в результате демонтажа общества модерна, мы анализируем на примере Украины, хотя, по нашему мнению, такая ситуация — в той или иной степени — характерная для всего постсоветского пространства.

Капитализм, как порождение эпохи модерна

Избегая длительной дискуссии, мы сразу же постулируем, что эпоха модерна, порожденная научно-техническим прогрессом, первична по отношению к капитализму, как общественно-политической формации.

При этом очевидно, что модерн не мог существовать в рамках феодальной общественно-экономической формации, ориентированной на стабильность представлений об окружающем мире, где основой цикличности процессов выступали суточные и сезонные циклы.

Наглядный пример: мануфактура, как предприятие с разделением труда на отдельные производственные операции — базисное явление капитализма (*Существовавшие в Древнем Риме мануфактуры были формой организации рабского труда, т.е., с точки зрения современных представлений и «капиталом», и основными «средствами производства» были рабы. В силу того, что античная мануфактура была полностью «встроена» в рабовладельческую формацию, она не породила запроса на общественно-экономический прогресс и отмерла вместе с институтом рабовладения. Отдельные исследователи считают, что дополнительным фактором, прочно связавшим античную мануфактуру с рабовладением, был крайне низкий социальный статус наемного работника, а сам наемный труд считался более презираемым, нежели рабский*) — не стала драйвером экономического развития Испанской империи, так как оказалась в крайне неблагоприятной для своего существования общественно-экономической формации. Чисто «феодальные» налоги: ежегодный сбор с каждого станка и 10%-я «алькабала» (налог с торговых сделок) угнетали любые более или менее сложные производственные цепочки и производство товаров с высоким переделом в Испании.

Кроме того, испанская финансовая система, наивно исходившая из того, что печать золотых и серебряных монет из металлов, вывозимых из испанских колоний в Латинской Америке, обогащает Корону, также не соответствовала

капиталистической формации, при которой прирост богатства нации обеспечивается созданием добавленной / прибавочной стоимости.

Своеобразным методом «проб и ошибок», а нередко, и войн — как, например, испанско-голландские и испанско-английские, капитализм как общественно-политическая формация стал основой модерна.

Или, немного упрощая, капитализм стал оптимальной системой управления обществом модерна. Из собственности людей естественным образом выделилась значительная (нередко — большая) часть, используемая в инвестиционных и инновационных процессах — КАПИТАЛ.

Относительная стабильность уровня богатства в эпоху пре-модерна сменилась рисками значительных потерь, как плата за ожидание значительного прироста богатства в результате того или иного приложения капитала. Однако, для участников этой своеобразной «азартной игры» появился ранее невиданный, а потому весьма привлекательный «бонус»: победители получали возможность за короткий срок резко повысить свой социальный статус.

Теперь риски приложения капитала могли окупиться таким уровнем положения в обществе, которые ранее давало только «благородное происхождение» или несравнимо более высокие риски военной карьеры.

Инвестиционный и инновационный характер капитала породили как необходимость постоянного соотнесения инвестиционных и инновационных рисков с ожидаемыми в будущем прибылями, так и новые отношения между людьми (в первую очередь, капиталист — лично свободный наемный работник), а также новые виды ответственности и распределения рисков (например, лицо принимающее решение — рядовые акционеры).

Со своей стороны, развитие капитализма радикально повлияло на изменение институтов, определявших «лицо» эпохи пре-модерна: государство, которое от налогообложения собственности / богатства и торговых операций перешло к налогообложению добавленной стоимости и/или прибыли, было вынуждено постепенно отказываться и от иных характерных признаков феодализма (например, от основных сословных привилегий, всех форм «крепостной» зависимости крестьян).

Кроме того, буржуа нуждались в «боге», который бы благословлял бы их предприимчивость, а, на самом деле — эгоизм и индивидуализм, неизбежные при рисках, порожденных инвестиционной и инновационной природой капитала. Ответом на эти «нужды и чаяния» собственников

капитала выступил протестантизм, в XX веке вообще «плавно перетекший» в атеизм, прекрасно уживающийся с культом «невидимой руки рынка».

Альтернативы капитализму

Следующий важный момент, на который мы будем опираться: капитализм — не единственная общественно-политическая формация, соответствующая эпохе модерна и реализующая идеи прогресса.

Модернистский позитивизм и прогресс лежали в основе и фашизма (*Воплощения фашизма мы видели в нескольких формах: классической (Италия), относительно либеральной (Испания, отдельные периоды в ряде стран Латинской Америки, Сингапур), радикально-националистической с изрядной долей пре-модерна (Германия), азиатской (императорская Япония, 1950-е — 80-е годы в Южной Корее), имитационной (Португалия, отдельные периоды в ряде стран Латинской Америки)*), который сошел с исторической арены, и социализма (*Социализм также существовал в ряде воплощений, причем, даже в СССР в разные периоды он принимал различные формы: военный коммунизм, НЭП, «развитой социализм». Военный коммунизм de facto существовал в Албании, de jure присутствует сегодня в Северной Корее; относительно либеральный вариант военного коммунизма демонстрирует Куба. Свои формы социализма существовали в ряде стран Восточной Европы (в первую очередь — Польше), отдельным феноменом стал «югославский социализм». Азиатский вариант социализма дал примеры Китая и Вьетнама, ныне активно трансформирующихся. И, разумеется, ряд стран Азии и Африки, стремившихся заполучить в союзники Советский Союз, демонстрировали имитационные модели социализма*), которые сохранился в маргинальных (Куба, КНДР, Венесуэла) либо радикально видоизмененных в сторону капитализма (КНР, Вьетнам) формах.

Фашизм и социализм полностью воспринимали такие неотъемлемые элементы модерна, как индустриализация, урбанизация, секуляризация и развитие институтов государства. Научный позитивизм у них встраивался в идеологические конструкции, т.е., познаваемость мира безусловно признавалась, но результаты процесса познания предвосхищались идеологическими установками (в первую очередь — в социальных науках).

В отличие от классического понимания «гражданского общества», при фашизме и социализме общественная жизнь, безусловно, существовала и в весьма разнообразных формах, но большинство этих форм «затачивалось» под государственные интересы. Так, например, занятия молодежью спортом рассматривалось в качестве подготовки к армейской

службе, а литературная деятельность — в качестве подспорья идеологическому воспитанию.

Альтернативные общественно-политические формы модерна стали во многом реакцией на:

- цикличность капиталистической экономики, неотъемлемым элементом которой считались регулярные экономические кризисы (*У современной экономической науки имеются альтернативные точки зрения на проблему цикличности капиталистической экономики, в т.ч. — и на характер этих циклов, но мы в данном случае ссылаемся на базовые представления экономической науки на момент «оформления» альтернатив капитализма в государственные форматы*);
- очевидное размывание капитализмом консервативных ценностей, в первую очередь — на десакрализацию государственной власти.

В экономическом плане фашизм и социализм отвергали главенствующую роль капитала в прогрессе; фашизм — через подчинение капитала государственным / национальным интересам, социализм — через искоренение капитала и трансформацию его инвестиционных и инновационных свойств в централизованно планируемые элементы хозяйствования. Цикличность экономики модерна, определяемая господствующим в мире капиталистическим укладом, преодолевалась (во всяком случае — в теории) административными методами, в первую очередь — государственным планированием.

В философско-идеологическом плане фашизм / нацизм и социализм / коммунизм представили миру модели ре-сакрализации власти, например, как «хранителя славного прошлого» либо как «создателя светлого будущего», не нуждающихся в дополнительной легитимизации путем выборов (Точнее, выборы превратились в мистерию обновления присяги верности со стороны народа своей власти).

Украина: от социализма к пре-модерну

Отказ от социализма, как общественно-политической формации, не означает неизбежного перехода к капитализму, даже в случае принятия соответствующего законодательства и использования «либерально-рыночной» терминологии. Это весьма неочевидный, и на первый взгляд — парадоксальный вывод, который, тем ни менее, полностью подтвержден украинским «кейсом».

Прежде всего, можно с большой долей уверенности утверждать, что Украина вместе с социализмом в значительной мере избавилась и от дискурса эпохи модерна, вернувшись по уровню осознания общественных процессов в поздний пре-модерн, грубо говоря — в дискурс Гоббса и Локка XVII века, переходную эпоху трансформации феодального общества.

Не удивительно, что в украинском обществе время от времени возникает дискуссия об Общественном Договоре, как форме существования Государства, что является прямой отсылкой к эпохе перехода к модерну, которой соответствовал поздний феодализм. Ну, а относящаяся у той же эпохе дискуссия о путях формирования политической нации в Украине вообще не прекращается все 30 лет независимости.

Еще более характерным признаком возврата Украины к позднему пре-модерну являются дискуссии вокруг «государственного языка» и «государственной церкви», как фундамента государственности и неотъемлемого признака суверенитета. В то время как именно секуляризация является одним из важнейших признаков эпохи модерна.

В целом же, украинское общество совершило переход от социалистических отношений эпохи модерна к нео-феодальным отношениям эпохи пре-модерна. Тут необходимо отметить важный нюанс: нео-феодальные отношения в современной Украине являются практически полностью неформальными, но, несмотря на это — определяющими для установившейся общественно-экономической формации.

Вкратце перечислим характерные признаки украинских нео-феодальных отношений, которые состоят в отсутствии у общества, власти и «реформаторов» представлений о:

I. разнице между собственностью и капиталом, по итогу — между богатыми людьми, владеющими собственностью, и капиталистами, «запускающими» в работу свой капитал, который представляет из себя самовозрастающую стоимость.

В результате, государственно-бюрократический аппарат в партнерстве со сверхбогатыми собственниками, именуемыми «олигархами», перераспределяет через государственный и местные бюджеты созданную обществом добавленную стоимость. Уже в силу этого украинская власть действует вопреки интересам украинских капиталистов, приумножающих свой капитал в конкурентной среде благодаря наличию

предпринимательских способностей. (В первом материале мы доказали, что что украинские олигархи, по сути, не являются капиталистами).

II. разнице между инвестированием частного капитала в проект и финансированием проекта за счет заемных средств.

В результате, идея «государственно-частного партнерства» существует на сегодня исключительно на бумаге, государственным и региональным чиновникам намного проще привлечь займы, несмотря на их очевидную дороговизну, нежели вступать в непонятные и взаимно ответственные «инвестиционные отношения». Не говоря уже о наличии третьей возможности — напрямую финансировать проекты из государственного либо местного бюджета.

III. бюджетном субсидировании и льготном налогообложении, как факторах, стимулирующих развитие капитала.

В результате, бюджетные субсидии и налоговые льготы в Украине являются формой феодальной ренты, извлекаемой нео-феодалами («олигархами») в партнерстве с государственно-бюрократическим аппаратом.

И в завершении: децентрализация, которая в эпоху модерна рассматривается как механизм передачи части бюджетных финансов и полномочий «на места» в интересах развития регионального капитала, в украинских реалиях превращается в «феодализацию», т.е. в передачу «в кормление» определенных территорий местным нео-феодалным кланам. И местные выборы, даже проведенные в соответствии с демократическими нормами, только легитимизируют этот процесс «феодализации» (а не «децентрализации»!)

При этом можно отметить следующее явление, которое вполне соответствует доминированию нео-феодалного дискурса на уровне «коллективного бессознательного». С одной стороны, украинское общество крайне негативно воспринимает капиталистов, причем не только «олигархов», но и просто успешных капиталистов, удачно инвестировавших свой капитал и выстроивших прибыльный бизнес.

Однако, в то же время, украинское общество весьма лояльно к «удельным князькам», контролирующим те или иные территории в качестве своих полноправных вотчин. Яркими примерами стали триумфальные переизбрания мэров ряда крупных городов, чья коррупционная деятельность является не просто публичным, а «общепризнанным» фактом так сказать «общенационального значения». Ну, «вишенкой на торте» стало избрание

25 октября главой Подвысоцкой ОТГ Голованевского района Кировоградской области Виктора Лозинского — de facto хозяина этой ОТГ, который вместе с прокурором района и начальником райотдела милиции совершил здесь в 2009 году циничное убийство егеря во время охоты, и получивший за это 10 лет, из которых отсидел 5-ть, выйдя «по состоянию здоровья»...

В третьем материале мы проанализируем, насколько предрешенным для Украины было «выпадение» из модерна. Забегая вперед, укажем — шансы остаться в модерне и перейти из социализма в капитализм были, но весьма незначительные.

Материал подготовлен

Международным Институтом Политической Философии (ИПФ, Украина)

Авторский коллектив:

Константин Григоришин — бизнесмен

Виктор Савинов — философ

Дмитрий Джангиров — политический консультант

Национальные особенности украинской элиты – 3

2021-03-09

В [первом материале на данную тему](#) авторский коллектив ПРР в рамках теории элит обосновывал тезис о том, что украинский правящий класс существует в рамках (нео-)феодальной, а не капиталистической общественно-политической формации. Соответственно, в таких же рамках существует и украинская контрэлита, которая с переменным успехом борется с элитой за контроль над (нео-)феодальной рентой. И только маргинальная (по отношению к национальному мейнстриму) украинская антиэлита пытается описывать общественно-политическую формацию, сложившуюся в Украине, в терминах капитализма и модерна.

Во [втором материале](#) мы подробно обосновали тезис о том, что вместе с социализмом украинский правящий класс отказался и от модерна, а также показали, что для украинского общества (нео-)феодальный код оказался вполне приемлемым и естественным.

В текущем материале авторский коллектив ПРР проанализировал, насколько предрешенным для Украины было «выпадение» из модерна и были ли у страны шансы остаться в модерне и перейти из социализма в капитализм.

Для более простого восприятия материала, мы разбили его на две части – собственно украинскую историю и статью «Окончание лидерства «коллективного Запада» как следствие наступления эпохи постмодерна».

***

Украинская экономика на момент обретения независимости была прочно встроена в региональное разделение труда в рамках экономики СССР, а точнее – «народно-хозяйственного комплекса» Советского Союза и, отчасти, СЭВ (Совета Экономической Взаимопомощи – социалистического лагеря).

При этом Украина в рамках «народно-хозяйственного комплекса» играла роль «сборочного цеха»: на территории УССР были расположены преимущественно конечные звенья производственных цепочек, локализованных в различных республиках Советского Союза или, точнее, отрасли, выпускавшие продукцию высших переделов.

С точки зрения капитализма, именно здесь образовывалась основная добавленная стоимость экономики СССР. Но, в том то все и дело, что логика плановой / социалистической экономики и рыночной / капиталистической экономики не просто принципиально различны, но и практически несовместимы.

Да, Украина на момент распада Союза имела мощную индустрию с высокими уровнями передела и использованием преимущественно современных или отстающих всего на 10-20 лет технологиями (что не было критичным), передовую фундаментальную и прикладную науку, высокий образовательный уровень населения, квалифицированный научный, инженерно-технический и рабочий персонал. (Можно говорить о технологической отсталости в сфере АПК, но аграрный сектор нигде и никогда не являлся драйвером экономического роста и показателем уровня экономического развития).

Но с распадом Союза и всего социалистического лагеря, распалась и социалистическая система разделения труда, и встал вопрос встраивания украинской экономики в новую – мировую рыночную / капиталистическую систему.

Мы сейчас не будем обсуждать тот довольно длинный список иллюзий, которые не только общество, но и благополучно перекочевавшее из УССР руководство страны питало по поводу перспектив такого встраивания. Просто констатируем: задача была в целом неразрешимой –

украинский индустриальный и высокотехнологический сектор был слишком большим, чтобы целиком, либо своей существенной частью встроиться в международное разделение труда.

В ретроспективе мы можем так сформулировать проблему: можно ли было в начале 90-х в процессе перехода из социализма в капитализм не «вылететь» из модерна?

На тот момент абсолютное большинство внешних рынков было либо поделено, либо на них происходила жесткая конкуренция, в которую было практически невозможно встроиться. Но, что еще важнее, – в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия уже были выстроены и практически «зацементированы» не только на экономическом, но и на политическом уровне, основные технологические цепочки в рамках международного разделения труда.

И это было практически непреодолимым вызовом для украинского ВПК, ориентировавшегося на потребности армий уже не существовавших СССР и организации Варшавского Договора, а также для отечественного машиностроения и, в целом, сферы «производство средств производства».

Украине никто не планировал «выделять места» на завершающих либо даже срединных этапах технологических цепочек международного разделения труда. Свободные места были только на начальном этапе – «хвостах» этих цепочек, где украинские предприятия могли быть лишь поставщиками сырья либо продукции низших переделов, в т.ч. – аграрной. И Украина, несмотря на субъективное неприятие такого сценария как обществом, так и правящим классом, достаточно быстро стала страной его реализации. Только один, но весьма показательный пример: еще во второй половине 90-х Украина открывала свои технологические парки в Харбине и Цзинане, а уже сегодня в украинском экспорте в КНР сырье, продукция низших переделов и товары АПК составляют более 95%, а китайский импорт в Украину на 55% состоит из высокотехнологичных товаров.

Абсолютно естественно, что именно отрасли низших переделов – АПК, металлургия, добыча отдельных видов сырья в условиях преобладания нефеодалного общественно-политического уклада в Украине стали наиболее «олигархичными»: именно они приносят в страну, а, значит – своим бенефициарам, как формальным (олигархам), так и неформальным (верхушке государственно-бюрократического аппарата) львиную долю валютных поступлений.

Сверхприбыли бенефициаров в этих отраслях, как уже указывалось в предыдущих материалах ПРР, обеспечиваются многочисленными льготами и преференциями, – de facto перераспределением в их пользу через государственный бюджет значительной части национального ВВП. Именно этот процесс перераспределения, мы назвали нефеодалской рентой.

Общим местом стало приводить в качестве позитивных примеров встраивания в международную систему разделения труда Японию, Южную Корею и Китай. Оценка этих кейсов будет дана в одном из следующих материалов ПРР.

Мы же констатируем, что в 90-х годах свое место в международном разделении труда невозможно было ни получить, ни завоевать. Можно было попытаться его «купить»; слово не случайно взято в кавычки – разумеется, речь идет о более сложных процессах.

Прежде всего, в первые 5-10 лет независимости существовала возможность «сдаться на милость транснациональных компаний» (в более политкорректной форме – создать многочисленные бонусы и преференции для крупных западных инвесторов в стратегических отраслях).

Но, при этом необходимо было четко понимать, что западные ТНК по отношению к украинскому индустриальному сектору будут «выковыривать изюм из булочки», т.е., их будут интересовать отдельные предприятия, а не целые отрасли или технологические цепочки, находящиеся в Украине, а, иногда – лишь отдельные технологические линии (цеха) в рамках этих предприятий.

Возможно, такое понимание отчасти присутствовало, особенно после первых столкновений с реалиями мировых рынков и международной системы разделения труда, но постсоветский правящий класс и украинское общество в целом в силу завышенных ожиданий (и, как следствие – неадекватных амбиций!) не могло согласиться на такой подход – пожертвовать «булочкой» ради сохранения «изюма». Украинская политическая нация отказывалась верить в то, что это – меньшее из зол, а альтернатива – ставшая сегодня фактом потеря «булочки» вместе с «изюмом».

Возможно, психологическая неготовность правящего класса и общества к подобному рода жертвам сыграла ключевую роль, но существовали и другие факторы. Из которых наиболее весомым было, отмеченное в предыдущих наших материалах, непонимание национальными элитами сущности

капитала и, соответственно, неготовность к работе с иностранными инвестициями (= *капиталовложениями*).

Кроме того, встраивание, пусть даже частичное, украинских высокотехнологических производств в международное разделение труда имело не только экономическую, но и политическую составляющую, что предполагало понимание отечественным правящим классом основ современной мировой финансовой системы. Однако этого понимания как не было, так и нет.

В качестве примера приведем Японию и Китай, которые многие годы частично компенсировали Соединенным Штатам отрицательное сальдо двусторонней торговли активной покупкой американских государственных обязательств.

Впрочем, даже если бы каким-то чудом – например, благодаря дару предвидения, украинский правящий класс сумел бы учесть все указанные выше проблемы, то это все равно было бы лишь необходимым, но не достаточным условием пребывания Украины в модерне. Дело в том, что к началу 90-х эпоха модерна подошла к своему концу, о чем подробнее мы поговорим в следующем материале, подготовленном ПРР. А это значит, что для Украины на момент обретения независимости, места в модерне уже не существовало.

Вместо послесловия

Когда материал был уже подготовлен к публикации, ряд уважаемых рецензентов поставили вопрос о роли интеграционного выбора, сделанного Украиной в 2014 году. Мы сочли важным высказать позицию авторского коллектива ПРР по этому вопросу, хотя сегодня он носит исключительно теоретический характер.

С точки зрения преобладания нефеодалного кода у российской правящей элиты и схожести российских контр- и анти-элит с украинскими, ситуация выглядит аналогичной, но с некоторыми нюансами. Прежде всего, если Украина была преимущественно индустриальной базой бывшего СССР, то Россия, во многом, была сырьевой базой Союза, хотя и с весомой долей индустриального сектора.

В России, по сравнению с Украиной, намного большей в национальной экономике была доля сырьевых отраслей (как углеводородов, так и иных полезных ископаемых), а, значит, намного большая доля экономики смогла встроиться в международное разделение труда. Тем более, что львиная доля

сырьевых отраслей РФ была встроена в мировую экономику еще со времен СССР.

Кроме того, неофеодальный правящий класс РФ с начала XXI века начал возвращаться к имперскому самосознанию, что требовало модернизации ВПК, а, значит, существенных капиталовложений в высокотехнологический сектор, который частично удерживает российскую социальную-экономическую систему в модерне. А высокотехнологичный сектор всегда кроме военной имеет и гражданскую составляющую.

Можно также отметить, что в рамках имперского самосознания российского правящего класса, заметная, хотя и явно меньшая часть стратегических решений, принималась исходя из неких концептуальных соображений, и только потом в реализацию этих проектов встраивались интересы олигархов, а не наоборот, – стратегические решения выступали прикрытием олигархического интереса.

В целом же, Россия встраивалась в международное разделение труда самостоятельно и вполне эгоистично, что не предполагало особого учета интереса бывших союзных республик, включая самую крупную из них по населению и экономике – Украину.

Характерный пример – в «предконфликтном» 2013 году на страны СНГ приходилось лишь 13,4% внешней торговли РФ: Москва не сильно обременяла себя поддержанием «исторически сложившихся экономических связей».

Что же касается пресловутых «кооперационных связей», то независимо от того, где производилась конечная высокотехнологическая продукция – в России или Украине, на мировые рынки она практически не могла пробиться, а на внутренних рынках (России, Украины, СНГ в целом) платежеспособный спрос на нее был крайне ограничен. Для сохранения таких «кооперационных связей» необходима была политическая воля с обеих сторон, далеко выходящая за рамки экономической целесообразности, но, даже до 2014 года такая воля к сохранению «взаимовыгодных связей» носила практически полностью имитационный характер.

Отдельная тема – продукция ВПК. Даже в «горячую пятилетку» конфликта на Донбассе 2014 – 2018 годов, почти четверть (23%) украинского военного экспорта приходилась на Россию. Прежде всего, хотя ВПК пока существует и развивается в рамках модерна, говорить о капиталистических принципах его функционирования не приходится как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом. Однако, в любом случае, армия России – это далеко не

вооруженные силы СССР: коренным образом изменились задачи, концепция развития и военная доктрина. Это сразу же сделало большую часть украинского ВПК бесполезной.

Что касается сохранившихся технологических цепочек в этой сфере, то Россия стремилась их полностью воссоздать в рамках своей национальной экономики. Кроме того, включившись в гонку высокотехнологических вооружений, Россия все меньше нуждалась в морально устаревающих – в отсутствие модернизации – украинских комплектующих.

Можно констатировать, что амбиции как Украины, так и России встроиться в ядро капиталистической системы после развала СССР были ничем не обоснованы. Однако, у России изначально имелись предпосылки для более комфортного встраивания в периферию капиталистической системы на места «ближе к ядру».

Таким образом, альтернативный «восточный» интеграционный проект никак не мог остановить ни «выпадение» Украины из модерна, ни процессы деиндустриализации с переходом на преимущественно сырьевую экономическую модель. Можно лишь предположить, что без шокового разрыва многих связей с РФ, скорость деградации экономики Украины в 2014 – 2020 годах была бы немного ниже, но это никак не сказалось бы на качественной картине.

Материал подготовлен

Международным Институтом Политической Философии (ИПФ, Украина)

Авторский коллектив:

Константин Григоришин — бизнесмен

Виктор Савинов — философ

Дмитрий Джангиров — политический консультант